

Я попыталась мысленно рассортировать окружающих меня людей по категориям — «семья», «друзья», «знакомые» и так далее — и задумалась, куда бы поместить Сиори. Ближе всего, конечно, «друзья», но теперь уже ясно: она давно переросла эту рамку.

Если уж совсем точно, то для Сиори нужно создавать отдельную категорию — просто «Сиори». И поставить её в самом видном, самом высоком месте в моём сердце.

Ведь только недавно я окончательно поняла: Сиори для меня — нечто особенное, неповторимое, и ни с кем другим её нельзя сравнивать или смешивать в одну кучу.

— Хотя, погоди... Всё это не решает никакой проблемы...

Прошла неделя летних каникул. Первые три дня мы провели так насыщенно, будто за них прожили целую вечность, но потом всё вошло в спокойное русло: я занималась домашними делами и школьными заданиями, наслаждаясь тихими, ничем не омрачёнными днями.

Единственное, что немного огорчало — это то, что по утрам я больше не встречалась с Сиори. По выходным она, как и раньше, приходила ко мне, но реже видеться всё равно было грустно. Ведь когда я останавливалась у неё с ночёвкой, мы были вместе не только утром, но и весь день напролёт — возможно, именно поэтому теперь мне так не хватало её присутствия.

И вот, сама того не замечая, я снова думаю о Сиори.

Раньше по дороге в школу я смотрела на часы и вспоминала её. Готовя обед, вспоминала, как она терпеливо учила меня кулинарии. Даже решая домашние задания, слышала в голове её тёплый, мягкий голос, будто она сама объясняла мне каждую задачу. А вчера она приснилась мне — даже во сне не отпускает.

Когда же я начала думать о ней постоянно, почти каждую минуту?

Неужели это и есть любовь? Та самая, романтическая?

— Мне... нравится Сиори?..

Едва произнеся это вслух, я почувствовала, будто сердце вот-вот выскочит из груди — так громко и быстро оно заколотилось. От стыда всё тело задрожало.

Что со мной? Никто же даже не слышал! Почему так стыдно?! Наверное, именно потому, что я вслух, в одиночестве, проговорила нечто подобное... В любом случае — ужасно, до смерти стыдно! И от того, как я сейчас корчусь на диване, мне становится ещё стыднее! Никогда больше не скажу этого вслух!

Ведь я даже не уверена, что это любовь. Просто есть подозрение... А от одной-единственной фразы моральное состояние уже разнесло в клочья.

Мне так сильно нравится Сиори, но при этом нет ни одного чёткого признака, который позволил бы сказать: «Да, это точно любовь». От этого невыносимо зудит внутри. Кажется, я уже почти у цели — ещё чуть-чуть, и всё станет ясно. Кто-нибудь, скажите мне: это и есть любовь? И как унять это безумное сердцебиение?

Только вот у самой Сиори об этом спросить я, конечно, не могу.

□ □ □ □

Сегодня я пришла в боулинг — меня позвала одна из одноклассниц. В последний раз я играла здесь ещё в начальной школе с семьёй, и мой счёт получился плачевным. Сначала я всё время попадала в жёлоба, но к концу сессии наконец-то начала сбивать хоть какие-то кегли. А когда получилось — даже стало немного весело.

Сиори как-то говорила, что не очень ладит со спортивными играми... Интересно, боулинг ей тоже даётся с трудом? Представляю, как она хмурится, глядя на шар, который упрямо катится не туда, куда надо... Такая картинка кажется мне невероятно милой, и уголки губ сами собой поднимаются в улыбке. Хотелось бы когда-нибудь прийти сюда вместе с ней.

— Эй, о чём это ты так хитро улыбаешься? Небось, что-то неприличное задумала?

Михару-тян, только что метнувшая свой шар, подседа ко мне и ткнула локтём, заставив меня вернуться из мира фантазий, где я только что гуляла с Сиори.

— Ну же, выкладывай! Всё равно опять думала о своём возлюбленном, да?

— Д-да...

— Так и знала!

Ещё недавно Сиори-сан была просто «виртуальным объектом моей симпатии», и мне было легко, но теперь она стала «объектом моей симпатии (скорее всего)», и все наши прежние разговоры о любви, которые были лишь игрой, внезапно обрели реальный смысл, отчего мне стало неловко.

С каким же выражением лица я говорила всё это раньше? Совершенно не помню.

— Ну и? О чём ты там вспомнила, что ухмыляешься? Давай, делись!

— Д-да ничего особенного! Просто... она говорила, что не очень хорошо даются спортивные игры, вот я и подумала, может, и в боулинге она не сильна. Представила, как она расстроится, если все шары будут падать в жёлоб... Показалось милым...

— Ой, правда? Ты ухмыляешься от одних только фантазий? Сара-тян, да ты похотливая!

— Похотливая...?!

Мне такое впервые сказали!

Я была в лёгком шоке, но тут другие девочки тоже подхватили: «Э, что, что?», «Я тут услышала что-то интересное!» — и, поняв суть разговора, единогласно признали меня «похотливой».

Но почему!?! Я уверена, все они тоже ухмыляются своим фантазиям!

Но, может быть, начало разговоров о любви — это как раз шанс?

Мне так хочется обсудить эту неясную, зудящую тревогу в груди. Особенно у Нацки-тян, у которой уже есть парень, и у Акихо-тян, которая сейчас влюблена по уши — именно у них я хотела бы спросить, что такое настоящие чувства.

Решившись, я немного приукрасила и смягчила свои переживания, чтобы не выдать всё с порога, и осторожно завела речь. А к концу моего рассказа обнаружила, что все четверо смотрят на меня с такой тёплой, чуть насмешливой улыбкой, будто наблюдают за чем-то очень трогательным.

— Э-э... То есть раньше это было похоже на восхищение, а теперь чувства стали больше походить на влюблённость, и ты растеряна? Но при этом не можешь понять, настоящая ли это любовь или просто сильная привязанность как к человеку?

— Примерно так, наверное... Поэтому мне очень хотелось бы узнать — как вы сами поняли, что ваши чувства именно романтические?

Я всё же решилась попросить, но стоило Акихо-тян чётко сформулировать мои смятения, как мне стало ужасно неловко за себя.

Ведь даже малыши в детском саду порой уже знают, что такое влюблённость! А я, шестнадцатилетняя девчонка, спрашиваю о чём-то столь очевидном... Конечно, неудивительно, что все смотрят на меня так, будто я — маленький ребёнок, который впервые пытается понять, что такое любовь.

— Да ты что, чистая, как родниковая вода...

— Как вообще можно пройти сквозь столько признаний и остаться такой невинной?..

Ну-ну, не так всё просто. Я-то видела достаточно тёмных сторон любви — поверьте, совсем не такая уж «чистая». Просто раньше мне было не до собственных чувств: я только и делала, что отбивалась от нежеланных ухажёров. Вот теперь и запуталась — не хватало времени разобраться в себе.

— Но ведь такие вещи — это скорее про ощущения, их сложно объяснить словами.

— Точно! Например, хочется встречаться или целоваться?

— Или хочется делать для этого человека что-то хорошее?

— Или ловишь себя на том, что думаешь о нём постоянно?

— А ещё — даже недостатки кажутся милыми?

Все по очереди предлагают свои варианты, а мне становится всё тревожнее: почти всё это про меня. Я готова на всё ради Сиори, думаю о ней без остановки, и даже её застенчивость, и неуклюжесть кажутся мне невероятно трогательными.

А вот насчёт поцелуев или отношений... Нет-нет, мозг сразу отказывается это воображать — слишком стыдно!

— Ой, Сара-тян, у тебя лицо такое... хи-хи!

— Ты что, уже представляешь поцелуи и... дальше?

— Ай-яй-яй, какая развратница!

— Дальше... не представляла! Просто невозможно!

Я в отчаянии закрываю лицо руками, но подружки тут же накидываются на меня, растрёпывая волосы и ласково глядя по голове. Ясно одно: они все как один решили, что я — маленький ребёнок. Хотя... эй, а мы вообще не забыли, что пришли сюда играть в боулинг?

— Бывает и наоборот, — говорит кто-то из них. — Не обязательно думать, чего ты хочешь от этого человека. Иногда просто не терпишь мысли, что у него может появиться девушка... Или злишься, если рядом с ним есть другая, с кем он общается ближе, чем с тобой.

— О да, такое бывает! Хотя и понимаешь, что ревновать — плохо...

Ааа... У меня внутри всё сжимается. Всё, что они говорят, будто про меня написано. И хотя я до сих пор не чувствую полной уверенности, девчонки постепенно подводят меня к выводу: «Это и есть любовь». Только вот голова и сердце будто бегут в разном темпе — получается что-то вроде черепахи с зайцем, запутавшихся в связанных ногах.

— ...Спасибо вам. Очень помогли.

— Да не за что! Хотя, честно говоря, при таком раскладе ты и сама бы скоро всё поняла.

Да, наверное, так и есть. Даже если бы я разобралась во всём сама, всё равно очень хотелось услышать чужое мнение.

И всё же... как же здорово, что эти девчонки серьёзно отнеслись к моему детскому, наивному вопросу. Весной я и представить не могла, что когда-нибудь буду проводить летние каникулы с подругами, болтать о любви и смеяться до слёз. Что и у меня настанет день, когда я смогу поделиться таким... Сейчас я по-настоящему счастлива.

— Опять улыбаешься, Сара-тян!

Мафую-тян наклоняется ко мне с любопытным взглядом: «На этот раз о чём задумалась?»

Я торопливо прикрываю рот ладонью — улыбка выдала меня — и тут же Михару-тян наваливается всем весом: «Признавайся!»

— Да ничего такого! Просто подумала, как здорово, что мы подружились...

Через несколько секунд меня уже месили, как тесто, растрёпывая до невозможности, но мне было всё равно — настолько весело и легко стало на душе. Мы смеялись все пятеро, до боли в животе.

Хотелось бы рассказать об этом Сиори... Жаль, не могу объяснить причину своего счастья — пришлось бы признаваться в том разговоре. А ведь она бы точно порадовалась за меня, как за родную.

Но, может быть, настанет день, когда я смогу рассказать ей и об этом... И тогда —

□ □ □ □

После боулинга решили заглянуть в «Старбакс» — выпить по чашечке кофе и только потом расходиться по домам.

У кассы висело объявление: скоро стартует сезонный напиток — медово-лимонный

фраппучино. Обязательно надо будет вернуться сюда в ближайшие дни. Интересно, согласится ли Сиори составить мне компанию?.. Опять о ней думаю. Похоже, это уже начинает входить в привычку.

Мы вышли из кофейни и, болтая обо всём на свете, неспешно шли к станции. Вдруг Нацки-тян, шагавшая немного впереди, вдруг остановилась, что-то заметив, радостно махнула рукой и бросилась навстречу кому-то:

— Давно не виделись! Как дела?

— Отлично! А ты? Чем занималась? Сегодня с подружками гуляешь?

— Ага, с новыми школьными друзьями. Ой, извини! — Нацки-тян обернулась к нам и, слегка смущённо улыбнувшись, представила девушку: — Это моя бывшая одноклассница из средней школы.

Я узнала её сразу. И, судя по тому, как её тёплый, открытый взгляд устремился не на остальных, а именно на меня, она тоже меня помнила.

— Очень приятно! Я Аои Симомото, училась в одной школе с Нацки!

Её улыбка — искренняя, сияющая. Приветствие — вежливое и тёплое. Вся её манера держаться — свежая, здоровая, располагающая. Всё в ней должно вызывать симпатию... Но почему тогда с самого первого раза, как я её увидела, меня не покидало ощущение ледящегоо душу страха?

Спасибо за прочтение.

<http://bllate.org/book/16065/1436361>